

В страданиях не было красоты.

В глазах и душах угнетенных и угнетателей не было великолепия. В сердцах подавленных, эксплуатируемых и пострадавших, беспомощных, обиженных и обездоленных не было славы.

Джейми смирился с тем, что жить - значит страдать. Существование несло в себе бремя и ответственность за боль и смерть. Родиться - значит обречь себя на смерть; это значит получить абсолютную гарантию страдания и боли.

И все же душа упорствовала.

Благодаря упорству человек научится находить красоту не в страдании, а вопреки ему.

Божественность существовала в непоколебимых душах смертных существ. Возвышен был ты, благословивший непоколебимых духом, ибо они найдут благосклонность в сердцах всех людей. Славен ты даром упорства, ибо они никогда не сойдут с тропы триумфа.

Джейми был очарован такими людьми. Его сердце трепетало при виде мужчин и женщин, которым было даровано благословение упорства. Он был очарован решительными и усидчивыми. Его сердце и разум жаждали прикосновения человека с душой, закаленной не хуже стали. Его охватывало детское возбуждение, когда он находил человека с решимостью, которая не поддавалась никаким уговорам; решимостью, не поддающейся переломам.

В самом деле, в непреодолимости - непоколебимости - заключалась огромная сексуальная привлекательность.

И ничто так не возбуждало его, как мысль о том, что именно он заставит непоколебимое пошатнуться.

Перед ним стояла Сиквайра Агарес, Наследница клана Агарес; ее серая блузка так сильно пропиталась потом, что под ней виднелся белый бюстгальтер - он видел, как розовые соски упираются в нижнее белье, пытаюсь скрыть явные признаки своего физического возбуждения.

Ее бледно-зеленоватые светлые волосы были взъерошены и растрепаны, между ними виднелись клочья травы и грязи. У него возникло сильное желание провести руками по этим локонам и вычистить их от мусора. Так же как и желание стоять перед ней и бесконечно смотреть в ее острые розовые глаза, пока солнце не взойдет и не зайдет сотни раз, пока она не начнет протестовать, стонать и умолять, прежде чем он отвернется, удовлетворенный тем, что запечатлел их сияние в глубине своего сознания.

Очки в прямоугольной оправе, которые она носила, ничуть не отвлекали от поразительной природы ее глаз и ничуть не ослабляли ее притягательности. Джейми мог бы утверждать, что они усиливали ее; очки придавали ей характер, как маленькие кубики умами, добавленные в кипящий бульон поваром.

.Сиквайра Агарес была женщиной без сексуального опыта. Он знал это с того самого момента, как взял ее на руки и поцеловал тыльную сторону ее ладони. Его тело инстинктивно подсказывало, что она ничего не знает об удовольствиях плоти. Она не знала, что такое самолюбование и самоудовлетворение. Она ни разу не прикасалась к себе и не думала исследовать себя.

Трагедия. Совершенно трагично.

Это было прискорбно. Как прискорбно и досадно, что она совсем не умела ценить собственную красоту. Подобно художественному шедевру, не чувствующему и не знающему своей привлекательности, разве то, что действительно восхитительно, требует стороннего наблюдателя, чтобы объявить всему миру, что оно великолепно?

Может ли манящее не очаровывать само себя? Может ли сияющее не ослеплять само по себе и для себя? Разве красота вещи существует только для того, чтобы другие поклонялись ей, восхищались и наслаждались?

Конечно же, нет.

Он хотел, чтобы юная леди осознала свою собственную завораживающую природу. Он хотел, чтобы она отбросила одежду и манеры и повалилась с ним в грязь этого безымянного леса, чтобы ее голос прозвучал во всеуслышание, когда он освободит ее от девичества. Он желал прижать ее к себе, чтобы вдохнуть мускус ее потных грудей и дать ей понять, что ее усердие действительно вознаграждено. Он желал впиться в ее влажные губы, как копье, пронзающее все, против ее непоколебимого духа, щита, который не желает быть пробитым.

Он хотел исследовать каждый сантиметр ее тела и показать ей красоту в тех местах, куда она и не думала заглядывать.

И в этом заключалась проблема.

Джейми, ценитель красоты, желал ее чисто.

А Джейми, инкуб, желал ее нечисто.

Его инкубская сущность была согласна с ним, и он хотел просто восхитить Сиквайру. Он хотел полностью и без остатка использовать ее, словно единственной целью ее рождения было стать сосудом для его члена. Он хотел, чтобы она умоляла, тосковала и выла от его прикосновений.

Он хотел, чтобы она уступила.

Он хотел, чтобы она покорилась.

Ему - и только ему.

Джейми было неприятно, что его чистые и нечистые желания находят способы согласоваться и слиться воедино.

«Твой маленький кузен в клинике в Долине», - объявил Джейми. «Как только ты проявишь любезность и забереешь его, мы продолжим разговор».

Джейми наложил на себя заклинание невидимости и стал бесформенным. Он сильно прикусил губу, чтобы почувствовать во рту насыщенный медный вкус крови, и пососал ее, чтобы успокоиться. Запах пота Сиквайры и ее неприкрытое возбуждение вызвали в нем инстинкты инкуба, а его собственные желания смешивались с инстинктами, и в результате возникло непреодолимое, всепоглощающее желание.

Желание, сводящее его с ума от вожделения.

Он вылетел из леса и вернулся в Долину, морщась от болезненной, пульсирующей эрекции, которую он прятал от взгляда Сиквайры. Он старался держать ее на достаточном расстоянии,

чтобы она не почувствовала, как он надувается в штанах.

Боже правый...

Внезапное желание трахаться было таким же первобытным, как голод или жажда. Нет, оно было еще более первобытным. Конечно, он мог веками обходиться без еды. Конечно, он мог бы прожить десятилетия без воды.

Просить его сопротивляться желанию, чтобы его член был покрыт жидкостью другого, было так же кощунственно, как просить Петра предать Иисуса.

Он дошел до дома, легко закрыл за собой дверь и рухнул вперед, выдохнув при этом. Он стал быстро возиться со штанами, едва не разорвав молнию, пока не спустил их и не дал члену возможность дышать.

Что... это?

Его кожа всегда была красной, поэтому красный член не вызвал бы беспокойства. Вместо этого его член был выпуклым, болезненно-синим, и легкое дуновение ветерка заставило Джейми зашипеть и откинуть голову назад, заглушая проклятие. Вены на его члене напряженно пульсировали, и он мог поклясться, что с каждой минутой его член становился все больше, а синева распространялась по всей длине от его обхвата до яиц.

Он больше не мог ясно мыслить. Повторяющаяся мантра «трах, трах, трах, трах» снова и снова звучала в его голове, блокируя все рациональные мысли.

Инициализировано сохранение выносливости.

Джейми рухнул на землю, и до него медленно дошло, что он больше не может двигаться. Все его тело застыло, как будто он смотрел прямо в глаза горгоне.

Выполнить не удалось.

Боль пронзила все его тело.

Его глаза широко распахнулись. Инстинктивно выгнулась спина, и с губ сорвался беззвучный крик. Это была агония, не похожая ни на что, что он когда-либо испытывал. Казалось, будто рой пчел пробрался в его кровь; казалось, будто змея обвилась вокруг его сердца и пытается вырваться наружу.

Что.... Что происходит?

Звуки начали расплываться в его ушах. Его зрение начало тускнеть. Симптомы были знакомы.

Я... умираю?

Он не мог понять этого. Он не мог в это поверить. Однако его тело отказывалось двигаться, его член стоял, болезненно посинев, и ему было холодно. Холодно, словно он пробирался через восемь футов плотного снега в одной лишь праздничной одежде. Холодно, как будто он открыл волшебный прибор под названием «холодильник» и решил уменьшить себя до размеров кубика льда и сделать морозильную камеру своим новым домом.

«...мие! ...мие!»

Сквозь тусклое зрение он увидел, как Селена выбегает из кухни навстречу ему. Он не мог разобрать ни ее слов, ни того, что она говорила. Он попытался улыбнуться, но даже мышцы его губ были слишком жесткими, чтобы двигаться. Тело больше не слушалось его - оно не подчинялось его командам, и у него не было сил ни на что, кроме как...

Его глаза распахнулись, когда что-то плотно обхватило его член. Что-то плотное и невероятно, невероятно теплое.

Тугое, теплое и...

О Боже... ЧЕРТ!

По всему телу пробежал толчок, словно его ударили Шокирующей хваткой. Боль и темнота исчезли и сменились глубоким, жгучим жаром и теплом, которое распространилось от его члена до груди и дальше. Шумы и звуки стали стихать по мере того, как он восстанавливал ориентацию и зрение.

Резкое шипение вырвалось из его губ, когда теснота вокруг его члена переместилась, и он почувствовал дополнительный вес кого-то, сидящего на его коленях. Моргнув, чтобы прогнать дымку, он увидел перед собой Селену, на которой не было ничего, кроме фартука. Его глаза пронзительно смотрели сквозь хлипкий кусок ткани туда, где должен был находиться его член, и обнаружили, что вместо этого он видит ее промежность, сидящую на нем.

«С-Селена? Что... происходит...»

Он почувствовал, как напряглись ее внутренние стенки, и запрокинул голову, чтобы сдержать резкое шипение.

Боги, какая же она тугая.

Ни одна женщина, с которой он имел дело до сих пор, не была такой теплой и уютной, как Селена. У него и раньше был секс с суккубами, но он даже не мог сравнить их. Селена относилась к совершенно другой категории.

«Ты идиот».

В ее голосе не было привычной теплоты и игривости, к которым он привык. Подняв голову, он встретился с ее глубокими, полными ярости розовыми глазами и невольно вздрогнул.

Он никогда раньше не видел ее в гневе.

«Дьяволы - существа желания, Джейми», - ее голос был холодным. Фригидным. Каждое слово было ледяным, вонзающимся в его вены. «Суккубы и инкубы - тем более. Ты знаешь, что происходит, когда ты идешь против своей природы?»

«Должно быть, это какая-то ошибка. Я не шел против своей...»

«Ты вышел на улицу и встретил кого-то», - перебила его Селена. «Кого-то, кого ты хотел трахнуть».

«Да, но...»

«И что ты сделал?»

«...Кончил снова?»

«Что ты сделал, Джейми?» - прошипела она.

«Я решил, что сейчас неподходящее время, и ушел...»

Внутренние стенки Селены сжались от его члена, и Джейми поклялся. Его член дергался внутри нее, отчаянно нуждаясь в столь необходимом трении. Его бедра начали двигаться без всякой на то воли, но благодаря хватке Селены он не мог никуда деться, пока она сама этого не захочет.

Это была... пытка.

«Ты пошел против своей природы», - сказала Селена. «Ты инкуб, Джейми. Если ты видишь кого-то и твои инстинкты хотят трахаться - трахайся. Не жди. Не сомневайся. Не сомневайся в себе. Твоя магия почувствует, если ты это сделаешь. Она восстанет против тебя и начнет тебя уничтожать».

Конечно, она не шутит.

Он не хотел верить ее словам. Он действительно, искренне, безусловно, не хотел верить ее словам. Каким бы он был человеком, если бы стал поступать подобным образом?

«Ты хочешь сказать, что я должен бросаться на все, что попадется мне на глаза...»

.«ДА!» - закричала она. «Да, Джейми! Это именно то, что я говорю тебе сделать! Ты же инкуб! Ты можешь обмануть их! Очаровывать их! Соблазнить их! Неважно, что они не хотят, - это то, для чего ты был создан».

Селена надела на его грудь и прижала к полу.

«Представь, что ангел видит маленького ребенка, который вот-вот умрет, у него есть сила, чтобы спасти его, но он решает этого не делать», - сказала Селена. «Они были созданы с указанием творить добро. Не делать добро - значит идти против того, для чего они были созданы. Такой ангел падет, как только решит пойти против своей сущности».

«Почему?» - спросил он с любопытством.

«Мы есть то, что мы делаем, Джейми», - вздохнула Селена. «Ангел, который не творит добро, - не ангел. Инкуб, который не занимается сексом, - не инкуб. Как библейский Бог создал ангелов как воплощение добра, так и первородный Люцифер создал нас, дьяволов, как воплощение зла - искушать, обольщать, развращать, соблазнять, обманывать, красть, убивать и уничтожать».

Джейми никогда не был склонен к излишним искушениям. Соблазнять он умел, совращать не видел нужды, соблазнение было его хлебом насущным, но обманывать и воровать он мог только в случае крайней необходимости, как и убивать и уничтожать.

Как тифлинг, сын Мальфаса Даркблайта, он никогда не был воплощением добра. В Запретных Королевствах к нему уже относились с предубеждением за его внешность и дважды осуждали за его наследие. Он никогда не обращал на это внимания, но с самого начала осознавал свое отличие от большинства. Он осознавал свой недостаток как человека, стремящегося к красоте, невзирая на вред, который она может причинить другим и ему самому, а время, проведенное

среди чопорных образцов света в Лайтбрингере, уредило большинство его темных наклонностей и желаний.

И все же он больше не был тифлингом. Теперь он был инкубом. Он был дьяволом - по всем классификациям, по сути, извергом. Существо, прочно связанное со злом, за которым многие охотятся и пытаются убить, не давая даже усомниться. Он был из тех существ, с которыми смертных предупреждали не заключать сделок, - из тех, кому многие продали свои души, жен и детей в обмен на богатство и славу.

Но до этого момента до него не доходило.

Нелепость того, что Селена читает ему нотации, в то время как его член пульсирует в ней, вызвала в нем когнитивный диссонанс. Это было противоречивое желание: он хотел трахнуть Селену, но при этом пытался игнорировать голос на задворках сознания, который отталкивал его от мысли о сексе с женщиной, которая его родила.

Нелепость ситуации наконец заставила его понять. Только что он едва не лишился жизни, и Селена спасла его. Спасла, сделав с ним то самое, чего Джейми изо всех сил старался не допустить в течение последних двух месяцев.

Ирония судьбы заставила его рассмеяться. Нелепость того, что тепло чресл Селены в итоге спасет ему жизнь, никогда бы не пришла ему в голову. Мысль о том, что он теперь принадлежит к расе, где его прошлое табу было принято и даже требовалось для выживания, была шокирующей.

«Что смешного?»

осмелилась спросить Селена, пока его член дергался внутри нее. Она осмелилась спросить, сидя на его бедрах над ним, ее мясистые внутренности обхватили его толщину, как алюминиевую бутылку в тисках. Ее затвердевшие соски заметно выступали сквозь фартук, и она спрашивала, что смешного в том, что он лежит на полу в их гостиной, только что пережив встречу со смертью.

Джейми поджал губы.

«Все, Селена».

Тот факт, что она не могла понять, почему его нынешняя ситуация фарсовая, усиливал ее фарсовость. Она была почти комически абсурдна.

В каком прекрасном мире я очутился.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://erolate.com/book/4398/158533>